

ДИАНА ФУРСОВА

ПЛОХАЯ
♦ МАЧЕХА ♦

ДРАКОНЬИХ БЛИЗНЕЦОВ

Диана Фурсова

**Плохая мачеха
драконьих близнецов**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Плохая мачеха драконьих близнецов / Д. Фурсова — «Литнет», 2026

Я очнулась в теле женщины, которую ненавидит весь замок. Слуги вздрагивают от моего голоса. Муж-дракон смотрит так, будто ждёт нового предательства. А его семилетние близнецы прячутся за дверью, потому что вчера «я» потребовала убрать их из собственного дома. Я не могу рассказать правду: я не прежняя Элиана. Не могу стереть её жестокие слова. Не могу заставить детей поверить мне. Но могу сделать другое — не кричать. Не входить без разрешения. Не забирать их любимые вещи. Вернуть им тепло, смех, право быть детьми и место в доме. Только Совет драконов уже решил: близнецы слишком опасны, их нужно забрать. И если весь род считает меня плохой мачехой, значит, именно плохая мачеха первой встанет между детьми и теми, кто хочет отнять у них дом.

© Фурсова Д., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Плохая мачеха проснулась	5
Глава 2. Дети, которые не верят в добро	16
Глава 3. Ледяной генерал-дракон	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1. Плохая мачеха проснулась

Женщина поняла, что с ней случилось что-то непоправимое, по тишине.

Не по темноте, не по холоду, не по чужому запаху камня, воска и зимнего ветра, а именно по тишине, которая стояла вокруг слишком плотная, слишком выжидающая. В такой тишине люди не спят. В такой тишине ждут, когда кто-то наконец откроет глаза — и решают, радоваться этому или бояться.

Она лежала на высокой постели под тяжёлым покрывалом, расшитым серебряными нитями. Ткань скользила под пальцами гладко и дорого, но от неё не было уюта. Она казалась частью витрины, частью чужой жизни, в которую её положили, как куклу в дорогом платье.

Где-то рядом негромко треснул огонь. Потом скрипнула половица.

— Госпожа снова очнулась, — прошептал женский голос.

Второй голос ответил не сразу. В нём было столько усталой неприязни, что женщина, ещё не успев открыть глаза, уже почувствовала себя виноватой.

— Значит, дом опять не увидит покоя.

Слова ударили сильнее холода.

Она медленно приподняла ресницы.

Сначала всё расплылось: высокий потолок с тёмными балками, серебристые занавеси, длинные окна, за которыми висело белёсое зимнее небо. Потом очертания стали резче, и она увидела спальню — огромную, торжественную и совершенно нежилую. На каминной полке стояли чёрные фигурки крылатых зверей. На стене висел портрет мужчины в военном мундире: тёмные волосы, жёсткий взгляд, прямая линия губ и такие глаза, что даже с портрета они будто требовали ответа.

Она не знала этого мужчины.

Она не знала этой комнаты.

Она не знала рук, лежавших поверх покрывала.

Тонкие пальцы. Белая кожа. На безымянном пальце тяжёлое кольцо с тёмным камнем, внутри которого, казалось, шевелилось крошечное пламя. Ногти ухоженные, чуть заострённые, как у женщины, привыкшей не работать руками, а указывать ими.

Она попыталась сесть, но тело отозвалось чужой слабостью и неприятной тяжестью. Не её тело. Слишком лёгкое, слишком хрупкое, слишком непривычное. Волосы скользнули по плечу длинной холодной волной — светлые, почти белые. Она никогда не была такой.

В горле пересохло. Она хотела спросить, где находится, но вместо привычного голоса прозвучал другой — ниже, мягче, с хрипотцой, словно эта женщина часто кричала или слишком много приказывала.

— Кто вы?

Две служанки у окна вздрогнули.

Одна была совсем молоденькая, с круглым испуганным лицом и руками, вцепившимися в передник. Вторая — старше, сухая, с гладко убранными седыми волосами и взглядом, в котором страх держался на коротком поводке презрения.

Молоденькая побледнела так сильно, что губы у неё стали почти прозрачными.

— Госпожа... — прошептала она.

Старшая чуть склонила голову. Ни тепла, ни участия в этом поклоне не было.

— Я Марта, ваша горничная. А это Нисса. Вы у себя, леди Рейвар.

Леди Рейвар.

Имя не отозвалось ничем. Ни воспоминанием, ни привычкой, ни внутренним откликом. Просто чужие звуки, положенные на неё, как это тяжёлое покрывало.

— У себя? — повторила она медленно.

Седая Марта на мгновение прищурилась. Видимо, решила, что это новая игра госпожи, и игры ей не понравились заранее.

— В северной башне, госпожа. В ваших покоях. В замке Рейвар.

Замок.

Северная башня.

Госпожа.

В голове зашевелились обрывки другого вечера: мокрый асфальт, свет витрин, телефон в руке, спешка, шум большого города. Потом резкий белый блеск — и провал. Она помнила, как хотела шагнуть назад, но не успела. Помнила собственное имя, своё пальто, недопитый кофе на рабочем столе, сообщение, которое так и не отправила. Всё это было настоящим.

А эта спальня — нет.

И всё же холод простыни под ладонями был настоящим. Треск огня был настоящим. Чужие волосы касались щеки по-настоящему. И две женщины у окна смотрели на неё так, будто она была бедствием, которое снова вернулось в дом.

Она сжала пальцы на покрывале.

Не паниковать. Сначала понять. Потом дышать. Потом — хоть что-нибудь сделать.

— Как... меня зовут? — спросила она.

Молодая Нисса всхлипнула и тут же прижала ладонь ко рту, будто за этот звук её могли наказать.

Марта медленно выпрямилась. Взгляд её стал осторожнее, но не мягче.

— Леди Элиана Рейвар.

Элиана.

Чужое имя легло на слух красиво и холодно.

— Полностью, — попросила она, стараясь говорить ровно.

— Элиана Морвен Рейвар, супруга генерала Каэля Рейвара, хозяйка северного крыла, — ответила Марта. После короткой паузы добавила почти сухо: — Мачеха юных господ Риана и Лир.

Слово «мачеха» прозвучало так, будто его здесь произносили шёпотом и только за закрытыми дверями.

Женщина повернула голову к портрету на стене. Тот самый мужчина в военном мундире. Каэль Рейвар. Генерал. Муж. Она почему-то сразу поняла: если он войдёт сейчас, объяснить ему правду будет невозможно. Кто поверит женщине, которая проснулась в чужом теле и не знает даже собственного имени?

Особенно если эту женщину здесь ненавидят.

— Дети, — сказала она осторожно. — Сколько им?

Нисса посмотрела на Марту, словно спрашивая разрешения отвечать. Старшая служанка еле заметно кивнула.

— Семь зим, госпожа, — прошептала молодая. — Им обоим.

Семь.

В груди неприятно сжалось. Двое семилетних детей в огромном холодном замке. И у них есть мачеха, от которой служанки бледнеют при одном её движении.

— Где они?

Теперь обе женщины напряглись.

Марта шагнула вперёд, быстро, почти резко.

— Юные господа находятся там, где им положено находиться. Не стоит тревожиться. Их не допустили к вашим покоям.

Не допустили.

Сказано было так, словно детей спасали от неё.

Она медленно опустила взгляд на свои руки. На тонком запястье темнела тонкая серебряная цепочка с подвеской в форме крыла. Красивая вещица. Дорогая. Холодная. Всё вокруг было дорогим и холодным: камень, ткань, украшения, манеры, голоса.

— Я хочу воды, — сказала она.

Нисса дёрнулась к столу так поспешно, будто приказ прозвучал как угроза. Стекланный кувшин дрогнул в её руках, вода плеснула на поднос. Девушка испугалась ещё сильнее.

— Простите, госпожа, простите, я сейчас...

— Ничего страшного, — сказала женщина.

В комнате стало так тихо, будто она произнесла заклинание.

Нисса замерла, не донеся кубок до постели. Марта посмотрела на неё впервые по-настоящему внимательно.

— Что? — спросила женщина, не выдержав.

— Вы... — Нисса сглотнула. — Вы не сердитесь?

— За воду?

Девушка опустила глаза.

— За поднос. За пятно. За то, что я...

Она не договорила, но женщина уже поняла. Не умом — кожей. Здесь боялись не случайно. Прежняя Элиана, чьё лицо теперь отражалось в зеркале напротив, оставила после себя не просто дурную славу. Она оставила привычку вздрагивать.

Женщина приняла кубок. Холодная вода показалась самым настоящим из всего, что с ней случилось. Она пила маленькими глотками, а сама украдкой смотрела на зеркало.

Лицо было красивым. Даже слишком. Тонкие черты, светлая кожа, большие серые глаза, длинные ресницы, волосы цвета зимнего рассвета. Красота без тепла. Или, может быть, это не лицо было холодным, а выражение, к которому оно привыкло.

Она попробовала улыбнуться — и едва не испугалась сама. Улыбка вышла неуверенной, неправильной, будто это лицо давно разучилось быть мягким.

— Дайте мне платье попроще, — попросила она.

Марта не шелохнулась.

— Попроще, госпожа?

— Да. Не это.

Она только сейчас заметила, что на ней было надето ночное платье из тонкой серебристой ткани, расшитое по вороту мелкими камнями. Даже просыпаться здесь полагалось роскошно.

Марта коротко поклонилась.

— В вашем гардеробе нет простых платьев.

— Тогда самое удобное из тех, что есть.

Служанки переглянулись. В этом коротком взгляде было столько недоверия, что ей захотелось сказать: «Я не она». Но кому? Этим двум женщинам? Камину? Портрету мужа?

Она не она. И всё же теперь именно ей придётся отвечать за чужое имя.

Пока Нисса доставала из шкафа платье, женщина осторожно спустила ноги на пол. Камень под ступнями оказался ледяным. На ковре было изображено чёрное крыло, распахнутое от стены до стены. В каждом предмете комнаты повторялся один и тот же знак: крылья, пламя, острые горные вершины.

Драконы.

Она посмотрела на фигурки на камине. Теперь стало ясно: это были не звери, а драконы. Маленькие, чёрные, с вытянутыми шеями и раскрытыми пастьями.

— Род Рейвар... драконий? — спросила она.

Марта медленно повернулась.

— Разумеется, госпожа.

Разумеется.

Как будто драконий род, замок и муж-генерал были чем-то настолько обычным, что спрашивать об этом могла только безумная или притворщица.

Женщина заставила себя не задавать следующий десяток вопросов. Не сейчас. Любой лишний вопрос мог выдать её сильнее, чем дрожащие руки. Нужно слушать. Смотреть. Запоминать.

Когда Нисса помогала ей одеться, пальцы девушки всё время дрожали. Платье оказалось тёмно-синим, почти чёрным, с высоким воротом и длинными рукавами. Красивое, строгое, неудобно торжественное. В нём хотелось не жить, а присутствовать на собственном портрете.

— Госпожа желает завтракать здесь? — спросила Марта.

Женщина хотела ответить «где угодно, только не здесь», но остановилась.

Если она останется в спальне, ничего не узнает. Если выйдет, её увидит дом. И дом покажет, что о ней думает.

— Нет. Я спущусь.

Нисса выронила гребень.

Марта закрыла глаза на долю секунды — как человек, которому только что сообщили о приближении бури.

— Госпожа, возможно, сегодня лучше отдохнуть.

— Почему?

— После вчерашнего... происшествия.

Происшествия.

Вот оно.

— Что было вчера? — спросила она спокойно.

Служанки снова переглянулись. На этот раз Марта ответила не сразу. Она поправила рукав своего чёрного платья, будто ей нужно было занять руки.

— Вы поссорились с его светлостью.

Его светлостью. Мужем. Генералом.

— Из-за чего?

— Из-за юных господ.

В комнате снова стало холоднее, хотя огонь в камине горел ровно.

— Что именно произошло?

Марта сжала губы.

— Вы требовали отправить их из замка до весеннего Совета. Его светлость отказал. Вы... были недовольны.

Слово «недовольны» повисло между ними слишком аккуратное, словно под ним спрятали что-то грязное.

— И?

Нисса шагнула назад к шкафу. Марта посмотрела на неё так, что девушка сразу опустила голову.

— И вы сказали, что пока эти дети живут под одной крышей с вами, вы не позволите дому называться вашим.

Женщина медленно вдохнула.

Двое семилетних детей. Родные дети её мужа. Близнецы. И эта Элиана хотела выгнать их из собственного дома.

Теперь страх в глазах служанок стал понятнее. Ненависть — тоже.

— Я сказала это при них? — спросила она.

Марта молчала.

Ответ был хуже слов.

Женщина отвернулась к окну. За стеклом кружил мелкий снег. Внизу, далеко под башней, виднелся внутренний двор: чёрные плиты, каменная чаша фонтана, стража у ворот, кры-

латые тени на стенах. Замок Рейвар стоял на скале, отрезанный от мира снегом и высотой, будто его построили не для жизни, а для осады.

И где-то в этом замке были двое детей, которые вчера слышали от собственной мачехи, что их здесь быть не должно.

Она закрыла глаза.

Это не её вина. Не её слова. Не её жизнь.

Но открыть глаза и сказать детям: «Извините, я здесь ни при чём, это была другая женщина» — нельзя. Для них лицо будет тем же. Голос — тем же. Имя — тем же. И страх — тоже.

— Я спущусь, — повторила она. — И хочу видеть детей.

— Госпожа... — Марта впервые потеряла свою ровность. — Его светлость запретил тревожить юных господ.

— Я не собираюсь их тревожить.

— Вы вчера тоже так сказали.

Это прозвучало не как дерзость, а как правда, которую служанка больше не смогла удерживать.

Женщина повернулась к ней.

— Значит, сегодня я сделаю иначе.

Марта ничего не ответила. Но в её взгляде на мгновение мелькнуло нечто новое — не доверие, нет. До доверия было далеко. Скорее, настороженность человека, который увидел, что привычный нож вдруг не режет.

Коридор за дверью оказался длинным и сумрачным. Стены украшали гобелены с драконами: чёрные крылья над снежными вершинами, золотые глаза в ночи, всадники в серебряных доспехах. От всего этого веяло старой властью и старыми правилами. Она шла медленно, стараясь не показать, как непривычно держаться прямо в чужом теле, в чужом платье, с чужим кольцом на пальце.

За каждым поворотом кто-то замирал.

Слуга с корзиной белья прижался к стене и поклонился так низко, будто хотел исчезнуть. Две девушки у лестницы оборвали разговор на полуслове. Мальчик-паж, несший связку ключей, так испугался, что ключи звякнули о камень, а сам он покраснел до ушей.

Никто не улыбнулся.

Никто не сказал: «С возвращением, госпожа».

Дом не приветствовал хозяйку. Дом переживал её.

Она замечала мелочи. На перилах лестницы была свежая царапина. В нише у окна стояла разбитая ваза, склеенная грубо, будто её жалко было выбросить, но некому было заменить. У двери в детское крыло висела гирлянда из деревянных звёздочек — старая, пыльная, явно забытая взрослыми, но бережно поправленная маленькими руками.

Детское крыло.

Она остановилась слишком резко.

Марта, шедшая позади, тоже замерла.

— Столовая внизу, госпожа.

— А там?

— Восточный коридор.

— Я спросила не о направлении.

Марта выдержала паузу.

— Покои юных господ.

Женщина посмотрела на дверь. Тяжёлая, тёмная, с резным знаком рода. Но возле ручки кто-то прикрепил маленькую деревянную фигурку дракона с кривыми крыльями. Игрушка была сделана неумело, зато старательно. Один глаз у дракончика вышел больше другого.

Она почти улыбнулась.

— Они сейчас там?

— Не стоит, госпожа.

Голос Марты стал ниже.

Женщина обернулась. Служанка стояла на две ступени выше, прямая, бледная, с пальцами, сцепленными перед собой. И вдруг стало ясно: Марта не просто исполняет приказ генерала. Она заслоняет эту дверь собой. Старшая служанка может ненавидеть госпожу, бояться её, презирать — но детей она защищает.

И это было первым хорошим, что женщина увидела в этом доме.

— Я не войду, — сказала она тихо.

Марта не поверила.

Женщина сделала шаг назад от двери.

— Видите? Не войду.

Из-за тёмной створки не донеслось ни звука. Но ей почему-то показалось: там кто-то слушает. Очень маленький, очень напряжённый, затаившийся так, как умеют затаиваться только дети, привыкшие не попадаться взрослым на глаза.

Она сняла с запястья серебряную цепочку. Подвеска-крыло легла на ладонь холодной змейкой. Вещь была дорогая, но ей не нравилась. Слишком острая. Слишком чужая. Она хотела положить её у двери как знак мира, но вовремя остановилась.

Дети могут решить, что это ловушка.

Тогда она оглянулась и увидела на узком столике возле окна чистый лист плотной бумаги и чернильницу. Видимо, здесь оставляли записки для слуг. Рядом лежало перо.

— Можно? — спросила она у Марты.

Та так удивилась самому вопросу, что не сразу ответила.

— Это принадлежит вам, госпожа.

Женщина взяла перо. Пальцы слушались плохо, почерк выходил чужим — красивым, резким, с вытянутыми буквами. Она написала всего несколько слов, стараясь, чтобы они не звучали как приказ.

«Я не войду. Я не буду кричать. Простите меня за вчерашнее».

Она перечитала записку и почувствовала, как в груди поднимается глухое отчаяние. Разве можно исправить страх одной бумажкой? Конечно, нет. Но иногда единственное, что можно сделать в первый день, — не повторить прежнюю жестокость.

Она положила записку на пол у двери и отступила.

Марта смотрела на бумагу так, будто там было написано не извинение, а заговор против всего привычного порядка.

— Идёмте, — сказала женщина.

Столовая встретила её ещё большей торжественностью. Длинный стол мог вместить человек тридцать, но был накрыт только на одну персону. Серебро, фарфор, хрусталь, белые салфетки, тяжёлые подсвечники, строгие портреты на стенах. Слишком много места для одного человека. Слишком много холода для завтрака.

Еда стояла перед ней красивая и почти нетронутая: горячий хлеб, масло, ягоды в тонкой чаше, запечённые яблоки, сыр, тонкие ломти мяса, чайник с ароматным паром. Она вдруг поняла, что голодна, но есть под взглядами четырёх слуг оказалось трудно.

Все ждали.

Не того, что она выберет. Того, к чему придерётся.

Она взяла хлеб, намазала маслом сама, хотя Нисса уже метнулась было ей помочь. Слуги переглянулись.

— Где завтракают дети? — спросила она.

Марта, стоявшая у стены, ответила:

— В малой комнате восточного крыла.

— Не здесь?

— Его светлость распорядился разделить трапезы.

После вчерашнего. Или задолго до него?

— А раньше они ели здесь?

Марта посмотрела на стол. На дальнем конце, почти незаметно, стояли два маленьких стула. Их отодвинули к стене. На спинке одного была вырезана буква «Р», на другом — «Л».

Риан и Лира.

— Когда-то, — сказала Марта.

Женщина медленно положила хлеб на тарелку. Всё внутри стало тяжёлым.

Она не знала этих детей. Не видела их лиц. Не слышала их голосов. Но два отодвинутых стула сказали о прежней Элиане больше, чем любые сплетни.

— Верните стулья к столу, — произнесла она.

Нисса вздрогнула. Марта застыла.

— Госпожа?

— Не сейчас. Не для того, чтобы они пришли. Просто верните.

— Его светлость...

— Я не прошу привести детей без его разрешения. Я прошу поставить их стулья туда, где им место.

В комнате повисло напряжение. Где-то за окнами пронёсся ветер, и огонь в камине дрогнул. Один из слуг, высокий парень с тёмными волосами, посмотрел на Марту. Та долго молчала, потом едва заметно кивнула.

Стулья вернули.

Маленькие деревянные спинки с буквами оказались рядом с огромным столом трогательно нелепыми. Женщина смотрела на них и почему-то чувствовала, что совершила нечто важное, хотя на самом деле всего лишь передвинула мебель.

Но, может быть, в этом доме даже мебель давно стала частью войны.

После завтрака она попросила показать ей замок. Марта явно считала это плохой мыслью, но спорить не стала. Нисса шла следом, прижимая к груди небольшую шаль на случай, если госпожа передумает, замёрзнет, рассердится или прикажет что-то невозможное.

Замок Рейвар оказался огромным. Каменные галереи, внутренние лестницы, залы с гербами, зимний сад под стеклянной крышей, закрытая библиотека, оружейная, куда Марту явно не тянуло заходить, и северная галерея, где портреты предков смотрели так надменно, будто даже смерть не отменила их права судить живых.

Она шла и задавала вопросы осторожно, не слишком много сразу. Где кухня? Сколько слуг? Кто ведёт хозяйственные книги? Где учатся дети? Кто занимается их распорядком? Почему в детском крыле так тихо?

На последнем вопросе Марта снова стала непроницаемой.

— Юные господа не любят шум.

Или их приучили не шуметь.

В зимнем саду она задержалась дольше. Под стеклянным куполом росли тёмные вечнозелёные деревья с серебристыми листьями. Между кадками стояла скамья, а рядом — маленькая деревянная лошадка с отломанным ухом. Не дворцовая игрушка, не дорогая вещь из лакированного дерева, а простая, затёртая, любимая.

Женщина наклонилась, подняла лошадку.

— Чья?

Нисса тихо ответила:

— Господина Риана.

— Почему она здесь?

Девушка покосилась на Марту, но на этот раз ответила сама:

— Он иногда приходит сюда, когда думает, что взрослых нет. Здесь тепло.

Тепло. В огромном замке только зимний сад казался ребёнку местом, где можно согреться.

Она провела пальцем по отломанному уху игрушки.

— Её можно починить?

Нисса открыла рот, потом закрыла. Марта ответила вместо неё:

— Можно приказать мастеру сделать новую.

— Я спросила не о новой.

Старшая служанка медленно посмотрела на неё. Во взгляде снова мелькнуло то самое — осторожное недоверие, за которым пряталась надежда, тут же придушенная здравым смыслом.

— Можно, — сказала она наконец. — Если юный господин позволит взять её в мастерскую.

— Тогда не трогайте. Пусть лежит здесь.

Женщина положила лошадку обратно на скамью, ровно так, как она лежала раньше. В чужом мире, чужом замке и чужом теле это было первое правило, которое она установила для себя сама: не хватать руками то, что для ребёнка может быть единственным безопасным.

Когда они вышли из зимнего сада, в дальнем конце коридора мелькнула тень.

Маленькая.

Она повернулась слишком быстро — и увидела только край серого рукава, исчезнувший за поворотом.

Нисса побледнела.

— Госпожа, прошу вас...

— Кто это был?

Ответа не понадобилось. Сердце уже знало.

Один из близнецов.

Она сделала шаг вперёд, но остановилась. Вспомнила записку у двери. «Я не войду. Я не буду кричать». Если сейчас побежит следом, нарушит обещание в первый же час.

Она осталась на месте.

— Не надо его звать, — сказала она.

Марта, кажется, впервые за всё утро не сразу нашла, что ответить.

— Вы уверены?

— Да.

Из-за поворота донёсся слабый шорох. Там кто-то был. Слушал. Ждал, начнётся ли привычное.

Женщина подняла голос ровно настолько, чтобы её могли услышать, но не испугаться.

— Лошадка в зимнем саду на месте. Я её не трогала.

Тишина.

Потом очень тихо, почти неслышно, что-то скрипнуло. Может, маленькая подошва по камню. Может, дыхание.

Она не стала ждать ответа и пошла дальше.

К полудню замок перестал казаться просто декорацией к чужому кошмару. Он стал домом, в котором слишком долго никто не чувствовал себя дома. Слуги работали бесшумно, как тени. Двери в детское крыло закрывались мягко, но слишком быстро. В женских покоях стояли дорогие безделушки, но не было ни одной вещи, которую хотелось бы взять в руки. В кабинете хозяйки, куда её провела Марта, нашлись стопки нераспечатанных писем, счётные книги, печати и коробка с приглашениями, перевязанными чёрной лентой.

— Это всё моё? — спросила женщина.

— Ваше, госпожа.

— Я занималась хозяйством?

Марта чуть склонила голову.

— Вы распоряжались.

Разница была очевидной.

Женщина открыла верхнюю книгу. Цифры, имена, поставки, плата за работу, расходы на ткани, свечи, вино, украшения. Некоторые строки были зачёркнуты резкими штрихами. Напротив детских расходов стояли пометки прежней Элианы: «лишнее», «отказать», «без надобности».

Она закрыла книгу.

Внутри поднималась злость — не яркая, крикливая, а тяжёлая и холодная. Чужая женщина, исчезнувшая из этого тела, успела сделать много. Слишком много. И теперь все эти зачёркнутые строки смотрели на новую Элиану как приговор.

В дверь тихо постучали.

Марта открыла. На пороге стоял высокий мужчина средних лет в строгом тёмном камзоле. Он поклонился выверенно и глубоко.

— Леди Рейвар. Я рад видеть вас на ногах.

Судя по лицу, рад он не был.

— Вы?..

— Управляющий Дорн, госпожа.

Ещё одно имя, ещё одна роль. Она кивнула так, будто вспомнила.

— Входите.

Дорн вошёл, но остался у двери. Взгляд его быстро скользнул по раскрытым книгам, по её лицу, по Марте. Он явно пытался понять, что происходит и чем это грозит.

— Его светлость вернётся к вечеру, — сообщил он. — Я счёл нужным предупредить вас. Каэль. Муж. Генерал. Дракон.

От этого имени комната будто стала теснее.

— Откуда вернётся?

Дорн моргнул.

— Из крепости у перевала, госпожа. Его светлость отбыл ночью после вашего... недомогания.

Она едва не спросила, что значит «недомогание», но вовремя остановилась. Это слово ей не нравилось, но само происшествие ей было нужно понять.

— Он знает, что я пришла в себя?

— Ему уже отправили весть.

Значит, скоро этот мужчина с портрета войдёт в замок и увидит жену, которая не помнит их ссоры, не знает законов дома, не умеет быть Элианой и почему-то решила возвращать детские стулья к столу.

Прекрасно.

— Благодарю, Дорн.

Управляющий всё ещё стоял у двери, будто ждал продолжения. Приказа. Упрёка. Каприза.

— Что-то ещё? — спросила она.

— Нет, госпожа.

Он поклонился и вышел.

Когда дверь закрылась, женщина провела ладонью по лицу. На мгновение ей захотелось сесть прямо на пол, зажмуриться и очнуться уже где-нибудь в своей квартире, под звук соседской дрели и старого чайника. Пусть там не было замков, драконов и серебряных колец. Зато там никто не смотрел на неё как на чудовище.

Но вместо этого она выпрямилась.

— Марта.

— Да, госпожа.

— Мне нужны имена всех, кто отвечает за детское крыло. И распорядок Риана и Лиры. Не для приказов. Для понимания.

Служанка долго смотрела на неё.

— Юные господа не любят перемен.

— Я тоже, — сказала женщина устало. — Но сегодня нас об этом никто не спросил.

Марта впервые отвела взгляд не из страха, а будто пряча человеческое чувство.

До вечера оставалось несколько часов. Она провела их в кабинете, читая то, что могла понять, и откладывая то, что требовало объяснений. Марта принесла список слуг. Нисса — шкатулку с ключами. Дорн прислал краткую записку о хозяйственных делах. Никто не доверял ей, но все начали осторожно выполнять просьбы, потому что просьбы пока не превращались в наказания.

Самым трудным было не задавать слишком много вопросов.

Она узнала, что Риан старше сестры на несколько минут и очень этим гордится. Что Лира любит рисовать на внутренней стороне старых счетов, потому что чистую бумагу ей раньше не всегда давали. Что дети почти не выходят во двор без разрешения отца. Что прежняя Элиана не позволяла им появляться в западном крыле. Что генерал, каким бы холодным его ни считали, сам проверял их комнаты перед сном, если был в замке.

На последнем Марта сказала это так тихо, будто выдала чужую тайну.

— Он любит их, — произнесла женщина.

— Его светлость — их отец.

— Это не всегда одно и то же.

Марта посмотрела на неё резко. В этом взгляде на секунду была не служанка, а женщина, которая слишком много видела и слишком мало могла сказать.

— В этом доме, госпожа, любовь редко называют любовью. Здесь чаще говорят о долге.

За окнами темнело. Замок наполнялся вечерними звуками: шаги стражи, далёкий звон посуды, глухой гул ветра в башенных бойницах. Женщина вышла из кабинета с тем самым списком в руках, но у лестницы остановилась.

Что-то лежало на полу возле стены.

Маленький клочок бумаги.

Она подняла его. На нём было нарисовано неровное чёрное крыло и две точки рядом. Детский рисунок. Под крылом дрожащими буквами было написано:

«Вы правда не кричали».

Не «спасибо». Не «простите». Не «мы верим».

Только это.

И почему-то от этих четырёх слов ей стало труднее дышать, чем от всех чужих имён вместе взятых.

— Госпожа? — позвала Нисса с нижней площадки.

Женщина быстро сложила бумажку и спрятала её в рукав.

— Всё хорошо.

Она впервые за день сказала это почти честно.

Почти — потому что в следующую секунду со стороны главных ворот донёсся протяжный звук рога.

Замок ожил мгновенно. Слуги поспешили к лестницам, стража во дворе заговорила громче, где-то хлопнула дверь. Марта, появившаяся из восточного коридора, остановилась и побледнела.

— Его светлость вернулся, — сказала она.

Каэль Рейвар.

Муж женщины, чьё тело она заняла. Отец детей, которых прежняя Элиана хотела убрать из дома. Генерал-дракон, который вчера ссорился с этой самой Элианой из-за близнецов.

Она медленно повернулась к окну.

Во двор въезжали всадники. Снег кружил вокруг них белой пылью. Впереди ехал мужчина на огромном чёрном коне. Даже с высоты второго этажа она узнала его сразу: тот же прямой разворот плеч, та же неподвижная посадка, тот же профиль, что на портрете. Только живой Каэль Рейвар оказался опаснее изображения.

Он спешился, снял перчатку и поднял голову.

Их взгляды встретились через стекло.

На один короткий миг она увидела не мужа, не генерала, не дракона, а человека, который уже заранее ждал от неё новой жестокости. В его лице не было радости от того, что жена пришла в себя. Не было облегчения. Только холодная настороженность и усталость того, кто слишком долго охранял детей даже в собственном доме.

Она не успела отойти от окна.

За спиной раздался слабый шорох.

Женщина обернулась.

В конце коридора, у двери восточного крыла, стояли двое детей.

Мальчик и девочка. Одинаково тёмные волосы, одинаковые большие глаза странного янтарного оттенка, одинаковая худенькая настороженность в плечах. Но мальчик стоял чуть впереди, закрывая сестру собой, а девочка цеплялась за его рукав и смотрела на Элиану так, будто перед ней была не женщина, а буря, которую нельзя остановить.

Наверное, это и были Риан и Лира.

У женщины дрогнули пальцы. Она хотела сказать что-нибудь мягкое, простое, нестрашное. Хотела присесть, чтобы не смотреть на них сверху. Хотела показать, что записка была правдой.

Но дети увидели её лицо, её платье, её руки — всё то же самое, что видели вчера.

Лира побелела.

Риан резко отступил, толкая сестру за спину.

— Бежим, — выдохнул он. — Мачеха снова начнёт кричать.

И они исчезли за дверью.

А внизу, под сводами главного холла, уже звучали тяжёлые шаги Каэля Рейвара.

Глава 2. Дети, которые не верят в добро

Элиана успела сделать только один шаг.

Не к детям — туда, где за тяжёлой дверью восточного крыла исчезли Риан и Лира, — а просто вперёд, от растерянности, от острого желания хоть как-то исправить тот ужас, который она увидела на их лицах. Но этот единственный шаг сразу отозвался в коридоре слишком громко, словно замок сам решил предупредить её: не смей.

Марта вскинула голову.

— Госпожа.

Одного слова хватило, чтобы Элиана остановилась.

За дверью восточного крыла было тихо. Такая тишина уже встречала её утром, но теперь она слышалась иначе. Не взрослая, выжидающая, полная ненависти, а детская — зажатая ладонями, спрятанная в рукава, втянутая в плечи. Там, за дверью, двое детей решали, кричала ли мачеха уже или ещё только собирается.

Элиана медленно опустила руку, которую сама не заметила, как протянула вперёд.

Нет.

Нельзя.

Она обещала не входить. Обещала не кричать. И если первое же её настоящее действие после записки будет погоней, дети запомнят не слова, а шаги за спиной.

Внизу гулко ударила дверь. По холлу прокатился шум голосов, быстрых шагов, звона снятого оружия. Замок встречал хозяина не так, как встречал её. Не затаённым страхом, не мёртвой осторожностью, а собранностью. Слуги торопились, стражники отвечали чётче, даже воздух будто вытянулся по стойке.

Каэль Рейвар вернулся домой.

Элиана не знала этого мужчину, но уже понимала: с ним нельзя будет говорить, как с растерянной Мартой или испуганной Ниссой. Он не станет осторожно подбирать слова, чтобы не потревожить её. Он не будет объяснять. Он войдёт — и потребует правду, которой у неё не было.

И всё же первым её страхом был не генерал.

Первым страхом было то, что дети сейчас ждут за дверью, когда отец поднимется и узнает, что мачеха опять стояла рядом с их крылом.

— Я не тронула их, — сказала Элиана тихо.

Марта смотрела на неё напряжённо.

— Его светлость может понять иначе.

— Тогда скажите ему правду.

— В этом доме, госпожа, правда редко успевает первой.

Слова прозвучали спокойно, почти сухо, но в них было столько опыта, что Элиана невольно запомнила их. Правда редко успевает первой. Значит, здесь привыкли жить среди слухов, догадок, полуприказов и последствий, которые наступали раньше объяснений.

Она заставила себя отойти от двери ещё на несколько шагов. Пальцы сами нашли в рукаве сложенный детский рисунок. Бумага согрелась от тела и стала мягче. «Вы правда не кричали». Маленькая, осторожная проверка. Не доверие. Не примирение. Но всё-таки — проверка.

С лестницы донеслись шаги.

Неторопливые. Тяжёлые. Без спешки человека, который уверен: весь дом и так ждёт его.

Марта выпрямилась. Нисса, появившаяся у нижней площадки, прижала шаль к груди и опустила взгляд. Где-то в коридоре застыли двое слуг, так резко прекратив движение, будто их застали на месте проступка.

Каэль Рейвар поднялся на второй этаж.

Живой он оказался выше, чем показалось из окна. Плащ ещё хранил на себе снежную пыль, тёмные волосы были чуть влажными у висков, на вороте военного мундира блестел знак чёрного крыла. Он шёл так, будто не просто входил в собственный дом, а возвращался на поле, где враг мог оказаться в любой комнате.

Его взгляд сразу нашёл Элиану.

Не Марту. Не Ниссу. Не дверь детского крыла.

Её.

И от этого взгляда захотелось сделать то, чего она не делала даже утром в чужой спальне, — отступить.

Каэль остановился в нескольких шагах. Ни поклона, ни приветствия, ни вопроса о том, как она себя чувствует. Только короткий внимательный осмотр: лицо, руки, платье, расстояние до двери восточного крыла.

— Почему ты здесь? — спросил он.

Голос был низким, ровным и неприятно спокойным. В нём не было крика, но именно поэтому он звучал опаснее.

Элиана понимала: каждый ответ сейчас может стать ошибкой. Сказать «я хотела увидеть детей» — подтвердить его худшие подозрения. Сказать «я случайно» — соврать слишком жалко. Сказать «я ничего не помню» — открыть дверь в безумие.

Она выбрала самое простое.

— Они вышли в коридор. Увидели меня и испугались. Я не пошла за ними.

Каэль даже не моргнул.

— Почему они испугались?

Вопрос был страшнее обвинения. Потому что ответ на него лежал между ними, огромный и давно известный всем в этом доме.

Элиана выдержала его взгляд.

— Потому что вчера я сказала то, чего дети не должны слышать.

Марта у неё за спиной чуть слышно втянула воздух. Нисса так и вовсе будто перестала дышать.

Каэль смотрел на жену долго. В его лице ничего не изменилось, но Элиана почувствовала: такой ответ он не ждал. Наверное, прежняя Элиана оправдывалась, нападала, обвиняла слуг, детей, мужа, весь мир. Наверное, она не признавала вину даже тогда, когда её слова ещё стояли в воздухе.

— Вспомнила? — спросил он.

Элиана не отвела глаз, хотя проще было бы посмотреть на пол, на стену, на замёрзшие узоры в окне.

— Мне рассказали.

— И ты поверила?

— В этом доме меня боятся даже за пролитую воду. Для этого должна быть причина.

На этот раз он молчал дольше.

Она не знала, что прочитал в её лице Каэль. Может, новую уловку. Может, усталость. Может, пустоту там, где должна была быть привычная злость. Его глаза были тёмными, почти чёрными, но в глубине иногда вспыхивало янтарное отражение, совсем как у детей. Или, наоборот, у детей было как у него.

Эта мысль почему-то сделала Риана и Лиру ближе. Не проще, нет. Просто реальнее.

— Восточное крыло закрыто для тебя, — сказал Каэль.

Элиана медленно кивнула.

— Я поняла.

Он чуть прищурился.

— С первого раза?

Вопрос был хлестким. Почти грубым. И заслуженным не ею, но женщиной, чьё лицо она носила.

— С первого, — ответила она.

— Тогда почему у двери лежала записка?

Марта опустила голову. Нисса побледнела так, будто записку писала она.

Элиана почувствовала, как по спине проходит холод. Значит, он уже знал. Или успел заметить. Или в этом доме ничто не оставалось незамеченным, если касалось детей.

— Потому что вчера я их напугала, — сказала она. — А сегодня не хотела делать вид, что этого не было.

— Тебя заботит их страх?

В его голосе не было насмешки. Только ледяное неверие.

Элиана посмотрела на дверь, за которой прятались дети.

— Да.

Каэль сделал шаг ближе.

Теперь между ними было совсем немного пространства. Элиана уловила запах холодного ветра, кожи перчаток, снега и чего-то тёплого, едва заметного, похожего на камень, нагретый огнём. От него веяло силой, но не той красивой книжной силой, которой восхищаются изда-лека. Это была сила человека, привыкшего останавливать беду телом, приказом, гневом, если больше нечем.

— Не начинай новую игру, Элиана, — произнёс он негромко. — Не с ними.

Имя ударило странно. Не потому, что было чужим, — она уже слышала его много раз за день. А потому, что в устах Каэля оно прозвучало как приговор, вынесенный давно и не подлежащий пересмотру.

Она хотела сказать, что это не игра. Хотела сказать, что сама не понимает, кто она теперь и почему оказалась в этой жизни. Хотела сказать, что дети не должны расплачиваться за чужие обиды взрослых. Но каждое слово могло прозвучать фальшиво. А фальшь рядом с Каэлем, кажется, была опаснее молчания.

— Я не прошу верить мне, — сказала она наконец. — Пока что не прошу ничего.

Его взгляд скользнул по её лицу, задержался на губах, будто он ожидал продолжения, оправдания или привычной колкости.

Она не дала ни того, ни другого.

— Марта, — сказал Каэль, не отводя от Элианы глаз.

— Ваша светлость.

— Проверь детей.

Марта поклонилась и прошла к двери восточного крыла. Постучала особым тихим стуком: два раза, пауза, ещё один. За дверью долго не отвечали. Потом створка открылась совсем чуть-чуть, и Марта исчезла внутри.

Элиана осталась в коридоре с Каэлем, Ниссой и невысказанной виной, которая была не её и всё равно давила на плечи.

— Ты вернула их стулья в столовую, — сказал он.

Это не было вопросом.

— Да.

— Зачем?

— Потому что они не должны стоять у стены.

— Ты решила это сегодня?

— Сегодня я это увидела.

Каэль хмурился едва заметно, но она уловила: его раздражало не само действие, а то, что он не понимал, куда оно ведёт. Прежняя Элиана, видимо, не делала ничего просто так. Если

она переставляла стулья, значит, где-то должен был быть расчёт. Если писала записку — тем более.

— Стулья не вернут доверие, — сказал он.

— Я знаю.

— Записка тоже.

— Знаю.

— Тогда чего ты добиваешься?

Элиана устало посмотрела на него. День был слишком длинным для женщины, которая утром проснулась в чужом теле, узнала, что замужем за драконом, ненавидима слугами, пугает детей и теперь должна отвечать перед мужчиной, в чьих глазах уже проиграла все суды.

— Сейчас? — спросила она. — Не ухудшить то, что уже испорчено.

Каэль не ответил.

Дверь восточного крыла открылась. Марта вышла тихо и сразу прикрыла её за собой.

— Юные господа в старой игровой, ваша светлость, — сказала она. — Испуганы, но спокойны. Господин Риан просит не наказывать Ниссу. Он решил, что это она позволила им выйти.

Нисса зажмурилась.

Элиана быстро повернулась к ней.

— Ниссу не за что наказывать.

Каэль посмотрел на жену.

— Это решаю я.

Она встретила его взгляд и впервые за весь разговор ощутила внутри не страх, а твёрдость.

— Тогда решите правильно.

Коридор будто стал меньше. Нисса совсем побелела. Марта закрыла лицо привычной непроницаемостью, но слишком поздно: Элиана успела заметить в её глазах предупреждение.

Не спорь с ним.

Но было уже сказано.

Каэль молчал так долго, что где-то за стеной успел протянуть ветер. Потом он медленно повернулся к Ниссе.

— Ты отпирала дверь восточного крыла?

— Нет, ваша светлость, — прошептала девушка. — Клянусь, нет. Юные господа... они сами вышли через боковой переход. Я не знала.

— Почему боковой переход не закрыт?

Нисса открыла рот, но не смогла ответить. Марта сказала за неё:

— Потому что юные господа ходят через него в зимний сад, когда вы разрешаете им прогулку внутри замка.

Каэль посмотрел на дверь. Взгляд его стал ещё тяжелее, но гнев не сорвался на служанку. Он просто кивнул.

— Ниссу не трогать. Боковой переход оставить. Но у двери поставить человека, который умеет не пугать детей.

Элиана невольно выдохнула.

Каэль услышал. Конечно, услышал.

— Тебя удивляет, что я не ищу виноватого среди слуг? — спросил он.

— Меня сегодня многое удивляет.

Это вырвалось почти честно и слишком устало.

На мгновение между ними возникло что-то странное — не тепло, не понимание, а трещина в заранее расписанной роли. Каэль смотрел на неё, будто впервые за разговор увидел не

только прежнюю жену, но и женщину, которая стоит в коридоре слишком прямо, хотя едва держится.

Но трещина сразу закрылась.

— В свои покои, Элиана, — сказал он. — Сегодня достаточно.

Приказ был бы проще принять, если бы он прозвучал грубо. Но в этом «достаточно» было не только раздражение. Там была защита детей. От неё.

Элиана кивнула.

— Хорошо.

И снова он не ожидал согласия.

Она прошла мимо него, чувствуя его взгляд между лопаток. Нисса поспешила следом, но Элиана остановила её у поворота.

— Не надо. Я найду дорогу.

— Госпожа, я обязана...

— Тогда идите на расстоянии. Мне нужно подумать.

Девушка покорно отстала на несколько шагов.

До северной башни Элиана дошла медленно. Не потому, что не помнила путь, хотя путь она действительно знала плохо. Просто ей нужно было время, чтобы лицо снова стало спокойным. Внутри всё дрожало: от встречи с Каэлем, от детского «мачеха снова начнёт кричать», от того, как легко чужое прошлое ставило её на место чудовища.

В своих покоях она не выдержала и сняла кольцо.

Тяжёлый тёмный камень оставил на пальце светлую вмятину. Элиана положила кольцо на туалетный столик и долго смотрела на него. В этом маленьком круге металла было слишком много: брак, род, власть, ненависть, ожидания, чужие ошибки. Надеть его снова казалось почти предательством себя. Не надеть — опасной глупостью.

Она всё-таки вернула кольцо на палец.

Сейчас ей нужна была не правда о себе. Сейчас ей нужно было выжить в доме, где двое детей не верят в добро, а их отец ждёт удара от каждого её движения.

Нисса тихо вошла через несколько минут, неся шаль.

— Госпожа, вы просили не мешать, но Марта сказала... то есть я подумала... в башне вечером холодно.

Элиана посмотрела на девушку. Та стояла у двери так, будто готова была в любой момент извиниться за собственное существование.

— Спасибо, Нисса.

Девушка моргнула. Потом осторожно положила шаль на кресло.

— Вам ещё что-нибудь нужно?

Элиана хотела сказать «нет», но взгляд зацепился за край ткани. Шаль была мягкая, плотная, тёплая. В детском крыле, наверное, тоже не жарко. А старая игровая... Если она старая, значит, туда не водят гостей, не ставят лучшие ковры и не следят за каждым углом.

— Нисса, в старой игровой холодно?

Девушка замялась.

— Не очень.

— Это значит — холодно.

— Там камин есть, госпожа.

— Его топят?

Нисса замялась сильнее.

— Когда юные господа просят.

А дети, которые привыкли бояться, не всегда просят.

Элиана подошла к шкафу. Внутри висели платья, одно роскошнее другого: бархат, шёлк, серебряные застёжки, кружево, вышитые рукава. Всё это казалось бесполезным богатством рядом с двумя маленькими стульями у стены и старой лошадкой с отломанным ухом.

— У меня есть тёплый плед? Не парадная шаль, не мех для выхода, а что-то мягкое. Домашнее.

Нисса растерялась.

— У вас... кажется, нет, госпожа.

Разумеется.

— А в хозяйственных кладовых?

— Там есть шерстяные пледы для гостевых комнат. Но они простые.

— Прекрасно. Принесите один. Самый мягкий. И ещё мне нужен мастер, который умеет чинить деревянные игрушки.

Нисса медленно подняла на неё глаза.

— Игрушки?

— Да.

— Госпожа, можно приказать сделать новые.

Элиана невольно усмехнулась — без веселья, скорее от горечи.

— В этом доме все хотят заменить то, что детям дорого. А я прошу починить.

Нисса стояла неподвижно, словно не знала, можно ли ей соглашаться с такой мыслью. Потом кивнула.

— Внизу есть старый плотник Эвен. Он делает полки, ставни, иногда фигурки для зимнего праздника. Я могу позвать его.

— Позовите. И плед.

Девушка ушла быстрее, чем вошла.

Элиана осталась одна и впервые за день позволила себе сесть не прямо, не красиво, не по-хозяйски, а как села бы дома, если бы сил больше не было: опустилась в кресло, накрыла лицо ладонями и несколько раз глубоко вдохнула.

Не плакать. Не сейчас.

Плакать было бы слишком просто. Слёзы не объяснят детям, что сегодня мачеха не гонится за ними. Не убедят Каэля, что она не играет. Не сотрут пометки «отказать» и «без надобности» из хозяйственных книг.

Действия. Только действия.

Плед. Игрушка. Записка.

Маленькие вещи. Почти смешные рядом с большим замком и драконьим родом. Но дети живут не только большими приказами. Иногда ребёнок запоминает, что его любимую вещь не выбросили. Что его стул вернули. Что взрослый остановился у двери.

Минут через двадцать Нисса вернулась с пледом, сложенным вчетверо. За ней вошёл пожилой мужчина с широкими ладонями и седой щетиной на подбородке. Он поклонился неловко, как человек, привыкший работать с деревом, а не с поклонами.

— Эвен, госпожа.

— Вы чините игрушки?

Он осторожно посмотрел на Ниссу, потом на Элиану.

— Если дерево не сгнило и деталь не потеряна, починить можно почти всё.

Хороший ответ. Без обещаний невозможного.

— В зимнем саду лежит деревянная лошадка господина Риана. У неё отломано ухо. Нужно починить так, чтобы она осталась той же самой лошадкой.

Эвен чуть заметно оживился.

— Если ушко где-то рядом, вставлю родную часть. Если нет — подберу дерево похожее, но новое место будет видно.

— Пусть будет видно, — сказала Элиана. — Главное, чтобы не выглядело так, будто старую игрушку подменили.

Плотник посмотрел на неё уже внимательнее. В его глазах не было страха Ниссы и старой горечи Марты. Скорее настороженность человека, который не любит лишних слов.

— Господин Риан эту лошадку никому не отдаёт.

— Поэтому вы не будете забирать её без разрешения.

Эвен нахмурился.

— Тогда как чинить?

Элиана подумала. Вот и первая ошибка: она хотела сделать добро, а уже почти решила за ребёнка. Риан не доверяет ей. Любимая игрушка — его территория. Забрать её даже для хорошего дела будет тем же насилием, только в мягкой обёртке.

— Вы правы, — сказала она. — Не будем брать. Можно сделать маленькое ухо отдельно? Так, чтобы его можно было прикрепить потом, если он разрешит.

Плотник медленно кивнул.

— Можно. Но надо видеть размер.

— Нисса, вы сможете посмотреть издали и описать?

Девушка кивнула слишком быстро.

— Да, госпожа.

— Нет, не сейчас. Не бегом. И не так, чтобы дети решили, что мы охотимся за этой лошадкой. Завтра, если получится. А сегодня...

Она взяла со стола лист бумаги. Почерк всё ещё казался чужим, но рука уже меньше дрожала.

— Сегодня мне нужен маленький деревянный дракон. Простой. Без гербов, без драгоценных украшений. Такой, которого ребёнок не испугается взять в руки.

Эвен почесал щёку.

— Драконов для господ обычно делают парадных.

— А мне нужен не парадный. Мне нужен смешной.

Впервые за день кто-то в её присутствии почти улыбнулся. Это был Эвен. Улыбка вышла короткая, спрятанная в бороде, но она была.

— Смешного смогу.

— С одним кривым крылом, — добавила Элиана. — Нет, лучше с двумя разными. Чтобы было понятно: он всё равно дракон, даже если не похож на остальных.

Нисса тихо посмотрела на неё.

Элиана поняла, что сказала слишком много. Или, наоборот, ровно столько, сколько нужно было сказать не детям, а этому дому.

— Когда сможете сделать?

— К вечеру, если без резьбы и лака.

— Без лака. Просто дерево. И ещё... если найдёте небольшой обрезок для лошадки, похожий по цвету, отложите.

Эвен поклонился.

— Сделаю, госпожа.

Когда он ушёл, Нисса осталась у двери и продолжала смотреть на плед в руках Элианы.

— Вы хотите отнести это сами?

Вопрос был тихим, но в нём уже звучал страх.

Элиана сложила записку.

— Нет. Я не пойду к детям. Я не нарушу обещание.

Нисса явно не ожидала такого ответа.

— Тогда кому передать?

— Никому.

— Но...

— Положим у двери старой игровой. Не стучать, не звать, не ждать благодарности. Просто оставить. Если они захотят — возьмут. Если не захотят — пусть лежит.

Девушка кивнула, но не ушла.

— Госпожа, его светлость велел вам быть в покоях.

Элиана посмотрела на окно. За ним уже совсем стемнело, и снег за стеклом кружил не белыми хлопьями, а серыми тенями.

— Я не пойду к детям, Нисса. Я дойду до конца коридора. Это разные вещи.

Девушка, кажется, не была в этом уверена. Честно говоря, Элиана тоже. В этом доме границы измерялись не шагами, а страхом. Для Каэля, возможно, любой её шаг в сторону восточного крыла уже был нарушением.

Но если она будет только сидеть и ждать, дети запомнят день так: мачеха увидела их, они убежали, отец вернулся, все снова закрыли двери.

А ей нужно было оставить другое воспоминание. Маленькое. Тихое. Без требования верить.

Они вышли из северной башни, когда в коридорах уже зажгли настенные светильники. Замок вечером выглядел не менее холодным, но более живым: где-то хлопали двери кухни, стражники менялись у оконных переходов, служанки несли корзины с бельём, приглушённо переговаривались в дальних нишах. При виде Элианы разговоры всё так же обрывались, но теперь она уже не вздрагивала от этой тишины. Она принимала её как погоду: неприятную, но не вечную.

На повороте к восточному крылу стоял стражник. Молодой, широкоплечий, с круглым открытым лицом, которое стало каменным при её приближении. Видимо, это и был тот самый человек, который должен был уметь не пугать детей. Получалось у него пока средне: при виде хозяйки он испугался сам.

— Леди Рейвар, — произнёс он и поклонился.

— Я не войду в восточное крыло, — сказала она сразу. — Мне нужно оставить это у двери старой игровой. Где она?

Стражник молчал.

Нисса тихо подсказала:

— Старая игровая не за основной дверью, госпожа. К ней можно пройти через галерею зимнего сада. Юные господа часто прячутся там, когда... когда хотят побыть одни.

Когда боятся взрослых, мысленно закончила Элиана.

— Покажите мне путь до галереи, — сказала она. — Дальше я не пойду.

Стражник явно колебался. Приказ Каэля стоял между ними почти видимой стеной.

Элиана поняла его раньше, чем он решился возразить.

— Вы можете идти рядом. И если я сделаю хоть один шаг не туда, остановите меня.

Бедный парень побледнел ещё сильнее. Остановить леди Рейвар, вероятно, звучало как лучший способ лишиться места, покоя и желания жить.

— Госпожа, я...

— Я не стану жаловаться.

Он не поверил. Разумеется, не поверил.

— Как вас зовут? — спросила Элиана.

— Терен, госпожа.

— Терен, сегодня никто не будет наказан за то, что защищает детей. По крайней мере мной.

В его взгляде мелькнуло такое искреннее недоумение, что Элиана едва не вздохнула. Сколько же раз прежняя Элиана говорила обратное не словами, а поступками, если простой отказ от наказания звучит здесь невероятнее драконов?

Они пошли через боковую галерею. Нисса несла плед, прижимая к себе, словно это была не ткань, а доказательство преступления. Терен шёл на расстоянии нескольких шагов, напряжённый до смешного и до жалости одновременно.

Старая игровая находилась не там, где Элиана ожидала. Не в светлом крыле рядом с детскими комнатами, а за зимним садом, в небольшой круглой башенке с низкой дверью и узкими окнами. Когда-то это место, наверное, было уютным: на стенах ещё сохранились выцветшие рисунки облаков и крыльев, под потолком висели деревянные звёзды, а вдоль стены стояли сундуки с потемневшими крышками. Теперь оттуда тянуло прохладой и пылью.

Дверь была закрыта.

За ней не слышалось ни голоса, ни движения. Но Элиана уже знала: дети там. Слишком тихо было внутри. Слишком осторожно.

Она остановилась за несколько шагов.

— Здесь, — прошептала Нисса.

Элиана взяла у неё плед и опустилась на корточки, чтобы положить его не перед самой дверью, а чуть сбоку, не перекрывая выход. Потом достала записку.

Перо она захватила с собой, но писать на колене оказалось неудобно. Почерк снова вышел резким, не таким мягким, как ей хотелось. Она зачеркнула первое слово, взяла новый лист и написала медленнее:

«Я не зайду, пока вы сами не разрешите.

Плед можно взять. Можно не брать.

Я не рассержусь».

Она подумала и добавила ниже:

«Лошадку никто не тронет без разрешения Риана».

Потом остановилась. Хотелось написать ещё: «Я правда не хочу вас пугать». Но дети не обязаны верить. Слова и так слишком легко произносить.

Она положила записку на плед, прижала край маленьким гладким камешком из кадки зимнего сада и поднялась.

Внутри за дверью что-то едва слышно шевельнулось.

Нисса замерла. Терен тоже.

Элиана не стала смотреть прямо на дверь. Иногда взгляд взрослого давит сильнее ладони. Она повернулась к окну, за которым стеклянная крыша зимнего сада отражала дрожащие огни.

— Мы уходим, — сказала она спокойно, достаточно громко, чтобы её услышали внутри. — Спокойного вечера, Риан. Спокойного вечера, Лира.

Она не ждала ответа.

Именно это оказалось самым трудным — уйти сразу. Не задержаться у поворота, не прислушаться, не попытаться поймать детский шёпот. Но если она хотела, чтобы дети поверили хотя бы одному её слову, нужно было выполнить его до конца.

Она дошла до середины галереи, когда за спиной тихо скрипнула дверь.

Нисса вскинула глаза на Элиану.

Та покачала головой: не оборачиваться.

Они продолжили идти.

За спиной послышался быстрый шорох, потом тишина. Потом ещё один звук — будто ткань потянули по каменному полу.

Плед взяли.

Элиана не улыбнулась. Не позволила себе. Радоваться было рано и, может быть, нечестно. Дети могли взять его просто потому, что им холодно. Или потому, что Лира устала дрожать. Или потому, что Риан решил проверить, не спрятана ли в мягкой вещи новая неприятность.

Но они взяли.

И это было больше, чем она имела право ожидать.

В северную башню она вернулась уже почти в темноте. На столе её ждал деревянный дракон.

Эвен сдержал слово.

Фигурка была маленькой, неуклюжей и удивительно живой. Одно крыло у дракона было чуть выше другого, морда получилась не грозная, а упрямая, а хвост загибался в сторону, будто дракончик только что споткнулся, но всё равно сделал вид, что так и задумано. Дерево было гладко зачищено, без острых краёв. Его приятно было держать в ладони.

Нисса осторожно взяла фигурку и вдруг улыбнулась — совсем ненадолго, но по-настоящему.

— Он смешной.

— Значит, Эвен понял задание.

— Вы отнесёте его сейчас?

Элиана посмотрела на окно. Потом на дверь. Потом на кольцо на пальце.

Каэль велел ей быть в покоях. Она уже вышла один раз. Второй раз будет не осторожно-стью, а вызовом. А вызов ради игрушки может разрушить то маленькое, что удалось сегодня сделать.

— Нет, — сказала она. — Завтра. Или оставим через Марту утром.

Нисса кивнула с явным облегчением.

Элиана поставила дракончика на письменный стол рядом с пустым листом. Но покоя ей это не принесло. Мысли возвращались к старой игровой. К пледу, который исчез за дверью. К Риану, закрывающему сестру собой. К Лире, побледневшей от одного её взгляда.

Она долго сидела у стола, не зажигая лишних свечей. За стенами замка жил вечер: голоса становились тише, шаги реже, ветер настойчивее. Где-то далеко, возможно в восточном крыле, закрылась дверь. Потом ещё одна.

Элиана взяла хозяйственные записи. Не потому, что понимала их, а потому, что нужно было занять руки. Она выписала на отдельный лист всё, что касалось детей и было зачёркнуто прежней хозяйкой: бумага для рисования, тёплые покрывала, ремонт окна в малой комнате, новые крючки для одежды, замена разбитой ширмы, мягкие подушки для оконной ниши, краски для зимнего праздника.

Краски.

Она задержала палец на этом слове.

Лира рисовала на внутренней стороне старых счетов. Чистую бумагу ей раньше не всегда давали.

Элиана закрыла глаза.

Нет, нельзя бросаться и сразу заваливать детей подарками. Это будет похоже на покупку доверия. Но вернуть то, что у них отняли не из необходимости, а из злости, — другое дело. Только делать это нужно через порядок, не через порыв.

Она подписала лист: «проверить расходы». Потом зачеркнула. Слишком холодно.

Написала иначе: «детское крыло — необходимое».

Так лучше.

Стук в дверь прозвучал негромко, но она всё равно вздрогнула.

— Войдите.

На пороге появилась Марта. В руках она держала тот самый шерстяной плед, аккуратно сложенный.

Элиана почувствовала, как внутри всё опустилось.

— Они вернули?

— Нет, госпожа.

Марта прошла в комнату и положила плед на край кресла. Только тогда Элиана заметила, что это не тот же самый плед. Цвет другой. Тот был серо-синий, а этот — тёплый коричневый, с бахромой по краю.

— Это из восточного крыла, — сказала Марта.

— Что?

— Госпожа Лира велела передать. То есть... — Марта на мгновение запнулась, словно сама не верила своим словам. — Она не велела. Она положила у двери и сказала через щель, что тот плед теперь у Риана, потому что он сказал, будто ему не холодно, но у него руки ледяные. А этот — лишний. Для вас.

Элиана смотрела на коричневый плед и не могла сразу ответить.

Для вас.

Детская логика была такой простой, что от неё становилось больно в самом сердце: если у Риана холодные руки, он оставит новый плед себе. Если у мачехи в башне тоже холодно, ей можно вернуть другой. Не простить. Не подойти. Не поверить. Просто не оставить без тепла.

— Она сама вышла? — спросила Элиана.

— Нет. Только приоткрыла дверь.

— Риан видел?

— Думаю, да. Он сказал ей не разговаривать слишком долго.

Элиана осторожно коснулась края пледа.

— Спасибо, Марта.

Служанка не ушла. Стояла посреди комнаты и смотрела на неё так, будто решала, стоит ли произносить следующую фразу.

— Госпожа, не испортите это.

Слова были почти дерзкими. Прежняя Элиана, вероятно, за такое унизила бы её при всех. Новая Элиана только подняла глаза.

— Я постараюсь.

— Дети не верят в добро, если оно приходит слишком громко.

Элиана медленно кивнула.

— Значит, оно будет приходить тихо.

Марта отвернулась первой.

— Его светлость просил передать, что ждёт вас в малом кабинете через четверть часа.

Всё тёплое, что появилось в комнате вместе с детским пледом, будто сразу стало хрупким.

— Зачем?

— Не сказал.

Конечно, не сказал. Такие мужчины, как Каэль, не объясняют через служанок, зачем вызывают жену. Они просто ждут — и весь дом знает, что лучше прийти.

Элиана поднялась. На мгновение она хотела оставить детский плед на кресле, но потом всё-таки накинула его на плечи. Ткань пахла деревом, чистым бельём и чем-то сладковатым — может, детской комнатой, где хранились яблоки, игрушки и тайны.

— Госпожа, — тихо сказала Нисса, которая всё это время стояла у двери, — может быть, лучше надеть другую шаль?

Элиана поняла, о чём она. Идти к Каэлю в пледе из восточного крыла — почти признание, что она снова коснулась детского мира.

— Нет, — сказала она. — Эту.

Малый кабинет находился на первом этаже, рядом с залом, где висели карты северных земель. Дверь была приоткрыта. Внутри горел огонь, но комната всё равно казалась строгой: тёмный стол, полки с бумагами, высокий шкаф, несколько кресел, ни одной лишней вещи. Здесь жили решения, а не уют.

Каэль стоял у окна спиной к двери. Плащ он уже снял, но военный мундир оставался застёгнутым до горла. На столе лежали перчатки и несколько запечатанных писем.

— Войдите, леди Рейвар, — сказал он, не оборачиваясь.

Не «Элиана». Не «жена». Леди Рейвар. Холодный титул для холодного разговора.

Она вошла и закрыла дверь.

Каэль повернулся.

Его взгляд сразу упал на плед. Он узнал его, Элиана поняла это по едва заметному движению бровей.

— Это из комнаты Лир.

— Она передала его мне.

— Сама?

— Через Марту.

— После того как ты оставила у старой игровой другой.

Не вопрос. Снова.

Элиана стояла спокойно, хотя пальцы под тканью сжались.

— Да.

Каэль медленно обошёл стол. Он не приближался вплотную, но даже расстояние между ними казалось заполненным его недоверием.

— Я сказал: восточное крыло закрыто для тебя.

— Я не входила в восточное крыло.

— Ты искала обходной путь?

— Я искала способ сдержать слово и не напугать детей.

— Красиво звучит.

— Мне жаль, что вы слышите в этом только красивый звук.

Его глаза потемнели.

Элиана тут же пожалела о фразе. Не потому, что она была неправдой, а потому, что звучала слишком похоже на вызов. Ей нельзя сейчас соревноваться с ним в гордости. Не ради себя. Ради детей, которые только что взяли плед.

Она вдохнула и сказала уже тише:

— Я не хотела спорить. Простите.

Каэль остановился.

— Ты сегодня часто произносишь слова, которых раньше избегала.

— Возможно, раньше я была глупее.

— Нет, — сказал он. — Раньше ты была осторожнее.

Вот оно. Он не считал прежнюю Элиану просто капризной. Он считал её опасной. Не шумной, не злой, не взбалмошной — осторожной. Значит, её поступки могли иметь скрытый смысл. И теперь любой добрый жест выглядел для него ловушкой.

Элиана посмотрела на его руки. Сильные, спокойные, с короткими пальцами человека, привыкшего держать поводья и оружие. На безымянном пальце — кольцо, похожее на её собственное, только шире и темнее. Интересно, он тоже ощущал его как цепь?

— Я не знаю, как доказать вам обратное, — сказала она.

— Никак.

Ответ был быстрым.

Она подняла глаза.

Каэль смотрел жёстко, почти безжалостно.

— Доверие не доказывают за день. Тем более после того, что ты сделала.

— Я понимаю.

— Нет. Не понимаешь. Ты сегодня увидела испуганных детей, услышала несколько шёпотов за спиной и решила, что достаточно переставить стулья, написать записку, оставить плед — и дом начнёт смотреть на тебя иначе.

— Я так не решила.

— Тогда что ты решила?

Элиана могла бы снова ответить уклончиво. Могла бы промолчать. Но усталость дня, детский плед на плечах и его холодное «никак» вдруг сняли с неё лишнюю осторожность.

— Я решила, что если дети ждут от меня крика, я не буду кричать. Если они ждут, что я войду без разрешения, я останусь за дверью. Если они думают, что взрослые забирают любимые вещи, я не возьму их игрушку. Это мало. Я знаю. Но сегодня у меня есть только это.

Каэль молчал.

Впервые его молчание не давило. Оно слушало.

Элиана не стала добавлять ни слова. Пусть услышанное останется как есть — без украшений, без просьбы о снисхождении.

— Зачем тебе дети? — спросил он наконец.

Вопрос прозвучал просто. Слишком просто для того, что за ним стояло.

Элиана не сразу нашла ответ.

Не потому, что его не было. Потому что правдивый ответ был невозможен. «Потому что я очнулась в теле женщины, которая их ранила, и теперь не могу оставить всё как есть» — звучало бы безумием. «Потому что они маленькие» — слишком мало. «Потому что я не чудовище» — слишком много о себе.

— Они здесь самые незащитные, — сказала она. — А все ведут себя так, будто именно их нужно бояться.

Лицо Каэля изменилось.

Едва заметно, но изменилось. Словно она коснулась не просто темы, а закрытой двери внутри него.

— Их не нужно жалеть, — сказал он холоднее. — Они Рейвары.

— Разве одно мешает другому?

— В нашем роду — часто.

Эта фраза была не для неё. Он будто произнёс её потому, что слишком долго носил внутри.

Элиана осторожно спросила:

— Поэтому их стулья стояли у стены?

Каэль посмотрел на неё резко.

— Стулья убрал не я.

— Но вы оставили.

Он шагнул ближе.

— Следи за словами.

Страх вернулся сразу. Не за себя даже — за то, что сейчас она скажет лишнее и всё рухнет. Но отступить полностью означало согласиться с тем, что дети и дальше будут жить в доме, где каждый взрослый защищает их по-своему, но никто не возвращает им место за столом.

— Я стараюсь, — сказала она. — Правда. Но если я буду молчать обо всём, что вижу, я ничем не буду отличаться от той женщины, которую вы ненавидите.

Каэль застыл.

Сказано было слишком прямо.

Элиана поняла это в ту же секунду, но забирать слова было поздно. Они уже стояли между ними — резкие, неровные, опасные.

— Ты думаешь, я тебя ненавижу? — спросил он.

Она почти усмехнулась, но сдержалась.

— А разве нет?

— Ненависть требует лишних сил.

Ответ должен был оскорбить. Наверное, прежнюю Элиану он бы оскорбил. Новую — почему-то нет. В нём было слишком много усталой правды.

— Тогда что вы чувствуете?

Каэль долго смотрел на неё.

— Я чувствую, что мои дети впервые за много месяцев взяли вещь из рук человека, которого боятся. И меня это не радует.

Элиана нахмурилась.

— Почему?

— Потому что надежда делает детей уязвимыми.

Она вдруг поняла его иначе.

Не как сурового генерала. Не как холодного дракона. А как отца, который не запрещает доверие потому, что ему всё равно. Он запрещает его потому, что уже видел, как оно ломается.

От этого стало не легче. Но стало понятнее.

— Тогда не давайте им надежду на меня, — сказала она. — Дайте им право проверять меня сколько угодно. Не верить. Отступать. Возвращать плед. Снова брать. Я не буду требовать большего.

Каэль отвернулся к окну. За стеклом отражались огонь и его тёмный профиль.

— Ты говоришь так, будто сама веришь.

— Сегодня мне больше не во что верить.

Он резко посмотрел на неё.

Элиана осознала, что сказала слишком личное. Слишком близкое к правде. Женщина, которая живёт в своём доме, среди своих вещей, с титулом, мужем, слугами и властью, не должна произносить такое. Но слова сорвались, и теперь оставалось только выдержать паузу.

Каэль не спросил, что она имела в виду.

Может, решил, что это очередная игра. Может, не захотел знать. Может, сам испугался услышать ответ.

Он подошёл к столу, взял одно из писем, но не открыл.

— Завтра утром дети будут завтракать в малой комнате, как обычно.

Элиана кивнула.

— Хорошо.

— Ты не будешь приходить туда.

— Хорошо.

— Ты не будешь оставлять подарки без моего ведома.

Она помедлила.

Деревянный дракончик на столе в её комнате будто стал тяжелее, хотя находился этажом выше.

— Хорошо, — сказала она после короткой паузы. — Тогда я спрошу.

Каэль обернулся.

— Что?

— Можно завтра передать детям маленькую деревянную фигурку? Через Марту. Не от меня лично, если так лучше. Просто... как вещь для игровой. Без требования благодарности.

— Нет.

Ответ был мгновенным.

Элиана опустила глаза, чтобы он не увидел разочарования. Глупо. Разве она могла ожидать другого? Один плед ещё не меняет ничего.

— Я поняла.

— Не поняла, — сказал Каэль. — Дело не в фигурке. Дело в том, что ты снова выбираешь за них.

Она подняла голову.

Он смотрел строго, но в этот раз в его словах не было только запрета. Там было объяснение. Жёсткое, короткое, но всё же объяснение.

— Если Риан и Лира захотят взять что-то от тебя, они скажут. Сами. До этого — нет.

Элиана медленно выдохнула.

Он был прав.

Неприятно, обидно, но прав. Она снова чуть не решила за детей, чем им будет лучше. Мягко. Тихо. Но всё равно — за них.

— Хорошо, — сказала она уже иначе. — Фигурка останется у меня. Если они когда-нибудь сами попросят, тогда.

Каэль кивнул. Едва заметно, но кивнул.

Это был не мир. Даже не перемирие. Скорее, первая граница, проведённая не криком, а словами.

— И ещё, — добавил он.

Она напряглась.

— Дорена больше не будет распоряжаться детским крылом единолично. Завтра Марта примет у неё ключи от старой игровой, кладовой и малой комнаты.

Элиана не сразу поняла.

— Почему?

— Потому что Лира не должна отдавать свой плед взрослой женщине, решив, что в башне холодно.

В этой фразе было столько сухой отцовской ярости, что Элиана впервые увидела: Каэль заметил не её нарушение, не плед на её плечах, а то, что у ребёнка вообще возникла такая необходимость — делиться последним теплом со взрослой.

— Кто такая Дорена? — спросила она.

— Распорядительница восточного крыла. Была.

Была.

В одном этом слове слышался приговор.

— Она плохо обращалась с детьми?

Каэль посмотрел на неё так, будто оценивал, можно ли отвечать.

— Она выполняла приказы прежней хозяйки дома слишком старательно.

Элиана почувствовала, как пальцы сами сжали край пледа.

Прежней хозяйки. То есть её. Элианы.

— А вы не видели?

Она спросила тихо, без обвинения, но Каэль всё равно побледнел от гнева. Не внешне — в лице он почти не изменился. Просто глаза стали такими, что воздух между ними будто натянулся.

— Видел меньше, чем должен был.

Ответ был страшно честным.

Элиана не стала добивать. Мужчину, который сам сказал себе приговор, не нужно было толкать сильнее.

— Тогда завтра Марта примет ключи, — сказала она. — А я не буду вмешиваться.

— Будешь, — возразил Каэль. — Ты не умеешь иначе.

Она могла бы обидеться. Но после всего дня это прозвучало почти справедливо.

— Постараюсь вмешиваться не сразу.

Каэль посмотрел на неё с таким выражением, будто не хотел, но всё-таки услышал в её словах нечто похожее на самоиронию.

Очень короткое мгновение.

Потом он снова стал прежним.

— На сегодня всё. И, Элиана...

Она уже повернулась к двери, но остановилась.

Каэль стоял у стола, высокий, тёмный, неподвижный, как один из драконов на гобеленах. Только глаза у него были живыми — тяжёлыми от недоверия и слишком человеческой тревоги за тех, кто прятался в старой игровой.

— Подойдёшь к детям без моего разрешения — пожалеешь.

Элиана медленно кивнула.

— Я поняла.

— Надеюсь.

Она вышла из кабинета спокойно. Не хлопнула дверью, не бросила ответ, не попыталась оставить последнее слово за собой. Просто вышла, удерживая на плечах детский плед, который был теплее всех мехов прежней леди Рейвар.

В коридоре её ждала Нисса.

— Госпожа?

— Всё хорошо, — сказала Элиана.

И только когда они поднялись в северную башню, когда дверь её покоев закрылась, когда Нисса ушла за свечами, Элиана подошла к столу и взяла маленького деревянного дракона.

Он лежал на ладони смешной, кривокрылый, упрямый.

— Придётся тебе подождать, — тихо сказала она фигурке.

За окном стонал ветер. В восточном крыле, возможно, двое детей укладывались спать под новым пледом и всё ещё не верили, что мачеха не придёт.

А Элиана впервые ясно поняла: чтобы стать для них не страшной, ей придётся научиться самому трудному.

Не спасать сразу.

Не доказывать сразу.

Не любить громко.

А стоять у закрытой двери столько, сколько потребуется, и не входить, пока её не позовут.

Глава 3. Ледяной генерал-дракон

Утро началось не с рассвета, а с деревянного дракона.

Элиана открыла глаза ещё до того, как в северной башне погасли ночные тени, и первое, что увидела, была маленькая фигурка на письменном столе. Кривокрылый дракончик сидел между чернильницей и стопкой хозяйственных листов так упрямо, будто его поставили не ждать, а сторожить. Одно крыло у него действительно вышло выше другого, хвост загибался смешной дугой, а морда получилась не грозной, как у гербовых драконов на стенах замка, а серьёзной до нелепости.

Он был совсем не похож на символ рода Рейвар.

И, может быть, именно поэтому Элиане хотелось, чтобы когда-нибудь Риан и Лира увидели его.

Не сегодня. Не сейчас. Не вопреки запрету Каэля и не через попытку купить детское доверие. После вчерашнего разговора в малом кабинете она слишком хорошо поняла: даже добро может стать насилием, если приходит туда, куда его не звали.

На кресле у камина лежал коричневый плед из восточного крыла. Лира передала его через Марту, потому что решила, что мачехе в башне тоже холодно. Вчера Элиана почти не позволила себе думать об этом. Слишком много было страха, чужого прошлого, тяжёлых слов Каэля и его последней угрозы: подойдёшь к детям без разрешения — пожалеешь.

Но утром плед лежал рядом, тихий и настоящий, как доказательство того, что за закрытой дверью живут не только испуганные наследники драконьего рода, а двое маленьких детей, которые всё ещё умеют замечать чужой холод.

Элиана осторожно коснулась края пледа.

— Значит, сегодня без громких подвигов, — сказала она самой себе. — Только порядок.

Слово «порядок» прозвучало почти смешно. В её прежней жизни порядок означал календарь, счета, ключи на своём месте и чашку, вымытую вечером, чтобы утром не начинать день с раздражения. Здесь порядок был другим: не напугать детей, не попасть под подозрение мужа, не спровоцировать слуг, не выдать себя лишним вопросом и при этом хоть немного сдвинуть дом с той мёртвой точки, где страх считался воспитанием, молчание — удобством, а детская осторожность — нормой.

В дверь тихо постучали.

— Войдите.

Нисса появилась с подносом и сразу бросила взгляд на кресло, где лежал плед. Потом на дракончика. Потом на Элиану. Лицо у девушки было сонное, но настороженное, будто она всю ночь ждала, что вчерашняя мягкость госпожи закончится, как заканчивается короткий сон: резко и неприятно.

— Доброе утро, госпожа.

— Доброе, Нисса.

Девушка поставила поднос на столик у окна. Сегодня руки у неё дрожали меньше, и Элиана заметила это сразу. Маленькое изменение, почти незаметное, но за него хотелось держаться.

— Марта просила передать, что его светлость велел собрать всех, кто служит в восточном крыле, после завтрака, — сказала Нисса. — И ещё... госпожа Дорена уже ждёт в хозяйственном кабинете.

Имя прозвучало иначе, чем имена Марты, Дорна или Эвена. В нём было что-то жёсткое, неприятно скользкое, как холодный металл под пальцами.

— Госпожа Дорена? — переспросила Элиана, хотя помнила вчерашние слова Каэля.

— Распорядительница восточного крыла, — пояснила Нисса и тут же поправилась: — Бывшая распорядительница. Наверное.

— Наверное?

Нисса опустила глаза.

— В этом доме лучше не считать человека бывшим, пока он сам не ушёл из комнаты, госпожа.

Элиана посмотрела на девушку внимательнее. Иногда Нисса говорила робко, путано, почти шёпотом, но в её фразах всё чаще появлялась точность, которую невозможно придумать без опыта.

— Она опасная?

— Она... знает, кому что сказать.

Очень понятный ответ. И очень нехороший.

Элиана поднялась. Платье сегодня выбрала сама — самое простое из тех, что нашлось: тёмно-серое, без серебряной вышивки на рукавах, с мягким поясом и высоким воротом. Простым оно было только по меркам прежней Элианы, потому что ткань всё равно оказалась дорогой, а застёжки — тонко выточенными. Но в нём хотя бы можно было идти, сидеть, наклоняться над бумагами и не чувствовать себя драгоценной угрозой.

— Нисса, сегодня мне понадобится не красота, а список.

Девушка моргнула.

— Какой список, госпожа?

— Всего, что было убрано из детского крыла за последние месяцы. Вещи, ткани, книги, игрушки, бумага, мебель, светильники, всё. Если не знаете — спросите у Марты, у Эвена, у тех, кто носит бельё и убирает комнаты. Только без допросов. Не надо пугать людей.

Нисса кивнула, но в лице у неё мелькнуло сомнение.

— А если они подумают, что вы ищете виноватых?

— Так и подумают. Поэтому скажите сразу: наказаний за исполнение прежних распоряжений не будет.

Девушка вскинула глаза.

— Совсем?

— Совсем, если речь не о жестокости и не о воровстве. Я не стану наказывать людей за то, что они боялись приказов прежней хозяйки.

Нисса смотрела так, будто Элиана произнесла что-то опасное. Потом очень тихо спросила:

— А если прежней хозяйкой были вы?

Вот он, первый по-настоящему честный вопрос.

Элиана не обиделась. Не имела права. Для Ниссы, для Марты, для всего замка прежняя и нынешняя Элиана были одним человеком. Одним лицом. Одним голосом. Одной рукой, которая вчера могла оттолкнуть, а сегодня вдруг протягивала плед.

— Значит, я отменяю собственные ошибки, — сказала она. — Не словами. Делами.

Нисса долго молчала, потом поклонилась.

— Я передам.

В хозяйственный кабинет Элиана шла без сопровождения, но не потому, что стала храбрее. Просто ей нужно было хотя бы несколько минут побыть одной между чужой спальней и очередной битвой. Замок утром выглядел иначе: вместо вечерних теней — голубоватый свет в окнах, вместо приглушённых голосов — сдержанная суэта, запах горячего хлеба из дальних коридоров, скрип ведёр, шаги, тихие распоряжения.

При её появлении всё всё равно смолкало, но теперь Элиана училась не считать эту тишину личным ударом. Люди смотрели не на неё нынешнюю. Они смотрели на память о прежней.

В кабинете её ждала женщина лет пятидесяти, высокая, сухая, в тёмно-зелёном платье с узкими рукавами. Седины в её волосах почти не было, лицо сохраняло правильность и холодную ухоженность, а взгляд — то неприятное спокойствие, которое бывает у людей, давно привыкших управлять чужим страхом.

Она поклонилась не низко и не небрежно. Ровно настолько, чтобы формально не дать повода для упрёка.

— Леди Рейвар.

— Дорена, — сказала Элиана, садясь за стол.

Женщина чуть приподняла подбородок.

— Его светлость сообщил, что с сегодняшнего дня ключи восточного крыла переходят к Марте. Я пришла уточнить, действительно ли вы желаете этого.

Элиана открыла верхнюю книгу, хотя читать в эту секунду не собиралась. Ей нужно было не дать Дорене почувствовать, что разговор начался по её правилам.

— Если это распоряжение его светлости, моего желания не требуется.

— Разумеется. Но восточное крыло — тонкая часть дома. Юные господа требуют особого подхода.

Особого подхода. Нехорошие слова. Слишком гладкие.

— Какого именно?

Дорена едва заметно улыбнулась.

— Сдержанного. Уверенного. Без лишней мягкости. Дети Рейваров должны понимать границы раньше, чем привыкнут ими пользоваться.

Элиана подняла глаза.

— Семь лет — подходящий возраст, чтобы привыкать к теплу, чистой бумаге, своим вещам и праву не вздрагивать от каждого шага.

Улыбка Дорены не исчезла, но стала тоньше.

— Очень трогательно, госпожа. Вчера вы придерживались иного мнения.

— Вчерашнее мнение отменено.

— Так быстро?

— Да.

Дорена выдержала паузу.

— Не считите за дерзость, но дом может неправильно понять такие резкие перемены. Слуги любят сплетничать. Дети любят проверять слабость. А его светлость не всегда находится рядом, чтобы исправлять последствия.

Элиана впервые поняла, почему Каэль сказал: «Правда редко успевает первой». Дорена не обвиняла. Она только расставляла слова так, чтобы любое решение Элианы выглядело угрозой. Вернуть детям вещи — слабость. Не наказывать слуг — повод для сплетен. Убрать Дорену — риск для дома.

Удобная женщина. Для себя.

— Вы правы в одном, — сказала Элиана. — Дом действительно может неправильно понять перемены. Поэтому сегодня мы объясним их вслух.

Дорена насторожилась.

— Мы?

— Вы, я, Марта, Дорн и все, кто служит в восточном крыле.

— Госпожа, не думаю, что стоит делать детские дела предметом общего обсуждения.

— Это не детские дела. Это порядок в моём доме.

Слова вырвались сами, но на этот раз Элиана не пожалела. Впервые за два дня фраза «мой дом» прозвучала не как чужой титул, а как обязанность. Не право распоряжаться, не право запрещать, не право ломать чужие жизни по прихоти. Обязанность отвечать за то, что происходит за стенами, где висит герб её семьи.

Пусть семья досталась ей не по выбору.

Дорена склонила голову.

— Как пожелаете.

В этом покорном ответе не было ни капли покорности.

Через час в малом хозяйственном зале собрали людей восточного крыла. Их оказалось больше, чем ожидала Элиана: две горничные, старший лакей, Терен, ещё один стражник постарше, прачка с красными от холода руками, мальчик-паж, Эвен, Дорн, Марта, Нисса и Дорена, стоявшая чуть в стороне, будто не принадлежала к слугам, но и к хозяевам её не пустили.

Каэль тоже пришёл.

Элиана заметила его не сразу, потому что он остановился у дальней стены, рядом с высоким окном, и не сказал ни слова. Без мундира он всё равно выглядел как человек, способный превратить молчание в приказ. Тёмный камзол, знак чёрного крыла на запястье, собранное лицо. Он пришёл не помогать. Наблюдать.

И судить.

Элиана заставила себя не смотреть на него слишком долго.

— Я буду говорить коротко, — начала она и тут же мысленно усмехнулась: после всех собственных требований не писать и не говорить рублено жизнь явно решила проверить её на прочность. — С сегодняшнего дня в восточном крыле меняются правила.

Люди напряглись. Кто-то опустил глаза. Кто-то, наоборот, посмотрел слишком внимательно.

— Первое. Никто не будет наказан за то, что выполнял мои прежние распоряжения, если эти распоряжения касались вещей, режима комнат, расходов или доступа к помещениям. Я не ищу, на кого переложить вину.

После этих слов по залу прошла едва заметная волна. Не облегчение ещё, нет. Скорее недоверие, получившее трещину.

— Второе. С сегодняшнего дня никто не говорит о Риане и Лире как о трудности, беде, наказании рода или... — Элиана сделала паузу и посмотрела прямо на Дорену, — проблеме.

Дорена не шелохнулась. Но Элиана увидела, как дрогнула жилка у неё на шее.

— Если нужно обсудить их распорядок, безопасность, комнаты или занятия, используются их имена и титулы. Но не слова, которые делают из детей чужую ношу.

Терен опустил взгляд, и Элиана заметила, как он сжал ладони за спиной. Может, от неловкости. Может, от согласия.

— Третье. Все вещи, убранные из детского крыла без необходимости, будут внесены в список. Не для наказаний. Для возвращения. Если вещь принадлежит Риану или Лире лично, её не заменяют новой без их согласия. Сначала спрашивают.

Эвен чуть заметно кивнул. Марта смотрела спокойно, но в её глазах появилось то самое выражение, которое Элиана уже научилась узнавать: осторожная надежда, тут же спрятанная за опытом.

— Четвёртое. Старая игровая будет открыта, проветрена, приведена в порядок и возвращена детям. Не как место, куда они прячутся от взрослых, а как место, где им можно быть детьми.

Где-то в конце зала прачка тихо шмыгнула носом и тут же испугалась собственного звука.

Каэль у окна не двигался.

Элиана чувствовала его взгляд, как ладонь между лопатками. Она знала, что он слышит каждое слово. Знала, что ищет подвох. И всё равно продолжила:

— Пятое. Никто не входит к детям без разрешения его светлости, Марты или самих детей. Это касается и меня.

Вот теперь Каэль чуть изменился. Не лицом — только вниманием. Словно это уточнение он не ждал.

— И последнее, — сказала Элиана. — В этом доме никто не будет пугать детей моим именем. Если я услышу фразу вроде «леди Рейвар рассердится», «леди Рейвар запретит», «леди Рейвар велела бояться», я спрошу с того, кто её произнёс. Я сама достаточно сделала, чтобы Риан и Лира меня боялись. Помощь в этом мне больше не нужна.

Тишина после этих слов стала почти болезненной.

Элиана не планировала говорить настолько прямо. Но, может быть, именно это и нужно было дому: не красивое обещание, не внезапная ласка, а признание без театра. Да, прежняя хозяйка сделала плохое. Да, теперь правила другие. Нет, виноватых из слуг не будут вытаскивать на показ ради удобного раскаяния.

— Марта примет ключи, — добавила она уже тише. — Дорн проверит расходы и даст мне список необходимого для восточного крыла. Эвен осмотрит старую игровую и скажет, что можно исправить сегодня. Нисса поможет составить список вещей Риана и Лир, но не будет ничего брать без разрешения детей. Все свободны.

Люди разошлись не сразу. Слишком необычным было отсутствие крика в конце распоряжений. Слишком непривычным — то, что после слов «все свободны» никто не услышал добавленного наказания.

Дорена осталась.

Каэль тоже.

Элиана уже знала, что разговор неизбежен. Она могла бы сделать вид, что занята бумагами, но это было бы глупо. Поэтому просто повернулась к Дорене.

— Ключи, пожалуйста.

Дорена достала связку из-за пояса. Ключи были небольшие, тёмные, на кольце с зелёной лентой. Она держала их в руке чуть дольше, чем требовалось.

— Вы уверены, что хотите доверить восточное крыло Марте? Она слишком привязана к юным господам.

— Именно поэтому.

— Привязанность мешает строгости.

— А холодность часто притворяется порядком.

Дорена посмотрела на неё почти с интересом.

— Сегодня вы удивительно решительны, госпожа.

— Сегодня я многое увидела.

— За один день?

— Иногда одного дня хватает, чтобы понять, где в доме слишком долго закрывали глаза.

Дорена чуть наклонила голову. Не как служанка — как соперница.

— Надеюсь, вам понравится то, что вы увидите, когда откроете их шире.

Она положила ключи на стол перед Мартой, поклонилась Каэлю и вышла.

Только после этого Элиана позволила себе выдохнуть.

— Неосторожно, — сказал Каэль.

Она даже не спросила, что именно. Вся сцена, вероятно, казалась ему неосторожной от первого до последнего слова.

— Возможно.

— Дорена не простит публичного отстранения.

— Я не просила её прощения.

— Ты понимаешь, что она начнёт говорить?

— Понимаю.

— Нет, Элиана. Не понимаешь. Ты привыкла бросать слова, а потом оставлять другим убирать последствия.

Это было несправедливо к ней нынешней и справедливо к прежней. Именно поэтому ответ застрял в горле. Элиана посмотрела на связку ключей в руках Марты, на список, который уже начал составлять Дорн, на Ниссу, осторожно объясняющую прачке, что именно нужно записать. Если сейчас она сорвётся на Каэля, то докажет ему всё, чего он ждёт.

— Тогда помогите мне не бросать, — сказала она.

Он прищурился.

— Что?

— Вы знаете этот дом лучше меня. Знаете Дорену, слуг, восточное крыло, детей, старые ошибки. Если я делаю что-то неверно, говорите прямо. Но не запрещайте мне менять то, что очевидно плохо, только потому, что раньше я была той, кто это испортил.

Каэль смотрел на неё так долго, что Марта незаметно увела Ниссу и остальных из зала, оставив их почти одних. В огромном доме это, кажется, тоже было искусством — исчезать раньше, чем разговор станет опасным.

— Ты опять говоришь так, будто делишь себя на прежнюю и нынешнюю, — произнёс он наконец.

Элиана похолодела внутри.

Слишком близко.

Она отвернулась к столу и взяла первый попавшийся лист.

— Люди иногда меняются.

— Не за ночь.

— Иногда ночь бывает длиннее, чем кажется.

Слова снова сорвались ближе к правде, чем следовало. Она почти физически почувствовала, как внимание Каэля стало острее.

— Что с тобой произошло тогда, Элиана?

Она медленно подняла глаза.

— Когда?

— Перед тем как ты пришла в себя.

Вопрос был опасен не содержанием, а тем, что в нём впервые не было только подозрения. Там, под холодом, жило что-то ещё. Не забота. Нет. Скорее расчётливое беспокойство человека, который заметил: привычный враг ведёт себя не по привычным правилам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.